

A

6
R 354

A

1354

АРАПЪ ПЕТРА I-го
и
КАЛМЫКЪ ЕКАТЕРИНЫ II-и

Императорская Публичная Библиотека недавно приобрѣла два портрета, которые, въ настоящее время, сдѣлались такою рѣдкостью, что врядъ-ли еще можно достать другіе ихъ экземпляры. Но они кажутся намъ любопытны не потому только, что чрезвычайно-рѣдки: мы полагаемъ, что будетъ кстати сказать о нихъ нѣсколько словъ, какъ о портретахъ двухъ человѣкъ, странною игрою случая занесенныхъ, въ прошломъ вѣкѣ, съ Востока въ Россію, и участь которыхъ сложилась, послѣ того, совершенно-неожиданнымъ, необыкновеннымъ образомъ.

Одинъ изъ нихъ — арапъ Ибрагимъ, предокъ Пушкина, любимецъ Петра Великаго, другой — Оедоръ-калмыкъ, прекрасный живописецъ и отличный гравёръ временъ Екатерины II.

Биографію предка своего рассказываетъ намъ самъ Пушкинъ, въ «Запискахъ» своихъ; матери-

а томъ къ тому служила ему рукописная біографія на нѣмецкомъ языкѣ, до-сихъ-поръ уцѣлѣвшая въ семействѣ Пушкиныхъ. «Дѣдъ матери моей, (говоритъ Пушкинъ), былъ негръ, сынъ владѣтельнаго князька. Русскій посланникъ въ Константинополѣ какъ-то досталъ его изъ серала, гдѣ содержался онъ аманатомъ, и отослалъ его Петру Первому, вмѣстѣ съ двумя другими арапчатами. Государь крестилъ маленькаго Ибрагима въ Вильнѣ, въ 1707 году, съ польскою королевою, супругою Августа, и далъ ему фамилію Ганнибалъ. Въ крещеніи наименованъ онъ былъ Петромъ; но какъ онъ плакалъ и не хотѣлъ носить новаго имени, то до самой смерти назывался Абрамомъ. Старшій братъ его пріѣзжалъ въ Петербургъ, предлагалъ за него выкупъ, но Петръ оставилъ при себѣ своего крестника. До 1716 года, Ганнибалъ находился неотлучно при особѣ Государя, спалъ въ его токарнѣ, сопровождалъ его во всѣхъ походахъ; потомъ посланъ былъ въ Парижъ, гдѣ нѣсколько времени обучался въ военномъ училищѣ, вступилъ во французскую службу.» Въ 1722 году онъ возвратился въ Россію, при Петрѣ II посланъ (уже майоромъ) въ Сибирь, съ порученіемъ измѣрить китайскую стѣну — это порученіе далъ ему Меньшиковъ, боявшійся вліянія его на молодаго императора; возвратясь въ Россію, во-время тогдашнихъ придворныхъ переворотовъ, онъ около десяти лѣтъ прожилъ близъ Ревеля, въ поминутномъ безпокойствѣ, и успокоился лишь при восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы, которая

